

УДК 316.42

Лэйн Д.

Будущее России в глобализированном мире: уроки Востока и Запада

АННОТАЦИЯ

В этой статье описывается распространение глобальных корпораций и, как следствие, зависимость государств, находящихся на периферии мировой системы. Регионы стали важными политическими и экономическими факторами. Россия, как показано, не является крутым игроком. В этом контексте Евразийский Союз рассматривается в качестве альтернативного регионального блока. Его будущее развитие не определено и в статье обсуждаются три различных сценария развития.

Ключевые слова: глобализация; Евразийский Союз; регионализм; неолиберальный консенсус; трансграничные слияния и поглощения.

Lane D.

The future of Russia in a globalised world: the lessons from East and West

АБСТРАКТ

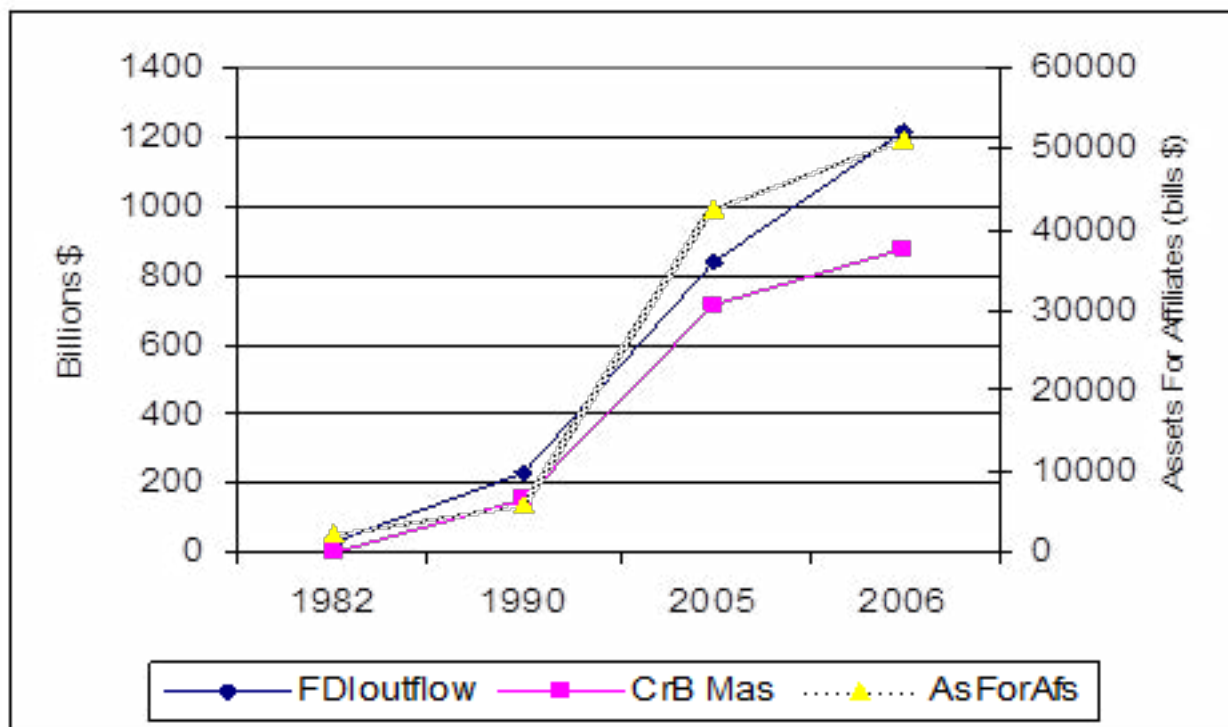
This article outlines the spread of global corporations and the consequent dependency of states in the periphery of the world system. Regions became important political and economic actors. Russia is shown to be a minor player. In this context the Eurasian Union is considered as an alternative regional bloc. Its future development is not determined and three different scenarios of its development are discussed in the paper.

Keywords: globalization; Eurasian Union; regionalism; neo-liberal consensus; cross-border mergers and acquisitions.

Актуальность. Развитие событий последней четверти XX века ознаменовалось значительным размыванием национального государства и экспансии глобального рынка, основанной на неолиберализме. Основа философии экономической политики Европейского Союза, закреплённой в Законе о единой Европе 1986 года – это свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы через национальные границы. Следовательно, власть переходит от национального государства к рынкам. Глобализация ведет к значительным изменениям в структуре и объеме экономических корпораций. Здесь можно очертить глобальное значение иностранных фирм, которые «колонируют» отечественные компании через поглощение и слияние.

Они создают богатство в виде инвестиций и занятости в стране пребывания, возвращая прибыли в страну, где располагается их «центр», что становится основой зависимости для принимающих стран.

Объем прямых иностранных инвестиций является важнейшим звеном, придающим корпорации многонациональный характер. Этот показатель вырос в геометрической прогрессии между 1982-2006. Рисунок 1 показывает рост оттока прямых иностранных инвестиций, трансграничных слияний и поглощений и как следствие рост активов зарубежных филиалов транснациональных компаний. Динамика влияния на этот рост зарубежных филиалов и их вклад в продажи компаний также имели большое значение. [3, 9]

Правая ось координат – значения в текущих ценах (миллиарды долларов).

Левая ось координат – доллары США. Правая ось координат – совокупные активы зарубежных филиалов (миллиарды долларов)¹

Рис.1. Показатели международных компаний 1982-2006 гг.

Fig.1. International companies' key figures in 1982-2006

Такая экономическая глобализация географически распространяется очень неравномерно. Различия между новыми (постсоциалистическими) странами-членами Европейского Союза (Новые страны члены - НСЧ) и Содружеством Независимых Государств

(СНГ), а также сравнения с Южной Америкой показаны в таблице 1. Эти данные свидетельствуют: НСЧ, с гораздо меньшим населением, чем страны СНГ, имеют в десять раз больше филиалов ТНК.

¹ FDIoutflow – Вывоз ПИИ; CrB Mas – Трансграничные слияния и поглощения; AsForAfs – Совокупные активы зарубежных филиалов.

Эти различия имеют важные последствия для классовой структуры и формирования элит. Страны «ядра» мировой системы доминируют в крупной промышленности и финан-

сах. Важным здесь является то, что описанные выше переводы активов включают сдвиг в контроле производства и управления от отечественных к зарубежным фирмам [5, 34].

Таблица 1

Филиалы транснациональных компаний в странах Южной Америки, стран СНГ и НСЧ ЕС (2010)

Table 1

The branches of transnational companies in the countries of South America, CIS and EC-member countries (2010)

Страна	Количество филиалов в принимающих странах
НСЧ ЕС	130430
Южная Америка	10349
СНГ	3487

Описанная ситуация также значительно влияет на то, каким образом национальные правительства способны управлять своей экономикой. Очевидно, что в условиях, когда управление и контроль стратегических решений, касающихся основных отраслей промышленности национальной экономики, находятся за рубежом, правительства национальных государств теряют свои полномочия в сфере экономического и финансового контроля. Власть уходит от национальных государств, а западные глобализированные страны становятся «запертыми» в «неолиберальном консенсусе», который является общепринятым для средств массовой информации и научных (в частности, экономических) кругов.

Такой глобальный экономический рынок подрывает не только представления о политической демократии, но и порождает ситуацию, в которой национальные политические элиты все более зависят от международной поддержки, а политические элиты, связывающие себя с судьбой национального государства, становятся все более избыточными и бессильными. Основанная на равноправной конкуренции система выборов аннулируется, как только руководство главных конкурирующих партий становится частью доминирующей согласованной элитарной структуры. Даже социалистические партии воплощают неолиберальную идеологию. Следовательно,

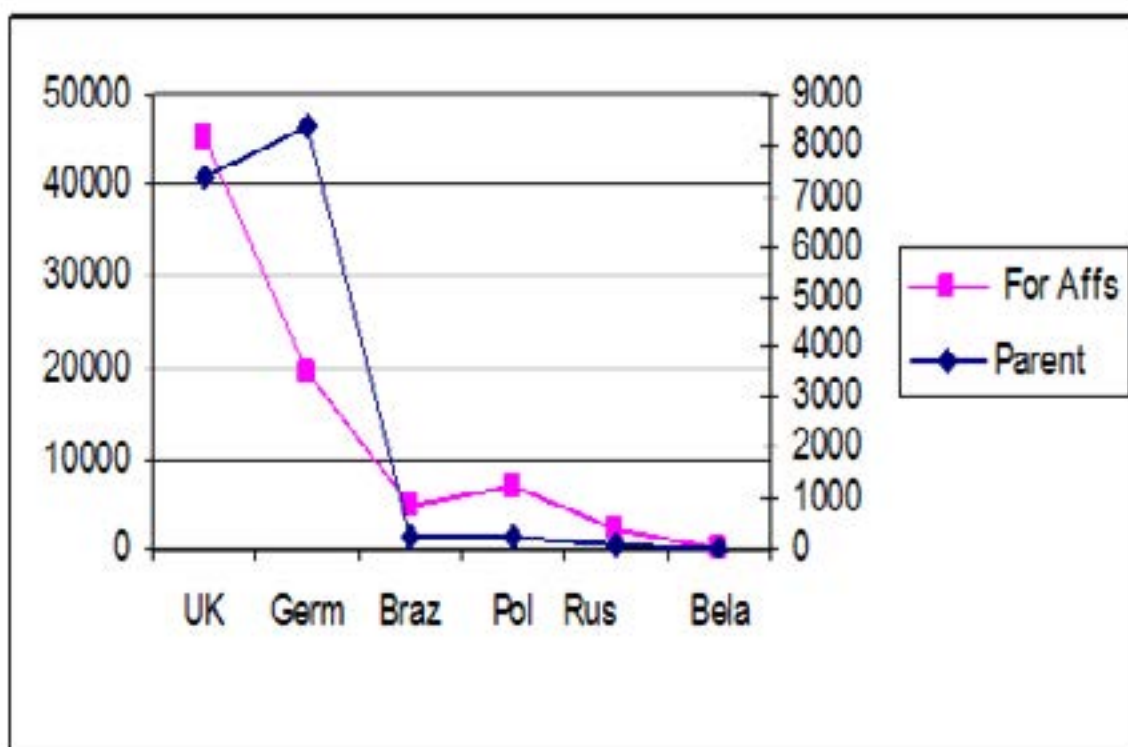
недовольство переносится на другие поля: с одной стороны разворачиваются движения типа «Оккупируй», растет общественный протест, демонстрации; с другой стороны увеличивается влияние националистических партий, которыми часто являются правые, стремящиеся вернуть государственную власть.

Глобализация вне ядра. Менее глобализированные страны, находящиеся вне неолиберального ядра, также реагируют на вредные последствия политики в области неолиберальной рыночной политики, хотя и обладают большей возможностью для маневра. Как следствие, внутри элит этих стран нет консенсуса, и некоторые их интересы, противостоя неолиберальной тенденции, угрожают международной конкуренции и политической гегемонии. Многие из этих стран, такие как Китай, Россия и Бразилия, не являются частью доминирующей военной и политической основы ядра; они имеют низкий индекс экономической транснациональности (то есть, иностранные корпорации имеют относительно низкий вклад в ВВП, «добавленную стоимость», производство и занятость). Они экономически развиты, но менее глобально интегрированы.

Что касается России, то ее маргинализация является одной из основных причин напряженности в отношениях между транснациональными политическими элитами стран-гегемонов и национальных политиче-

ских элит в России (это касается и некоторых других стран СНГ). Россия была и остается одной из наименее экономически глобализированных стран мира. Как мы видим из сравнения, показанного на рисунке 2, Бразилия, Польша, Россия и Беларусь качественно отличаются от Великобритании и Германии [4, 34].

Но при этом даже Польша была в большей степени пронизана транснациональными компаниями и имела больше материнских транснациональных компаний. Кроме того, значительные иностранные прямые инвестиции в Россию концентрированы пространственно и в подавляющем большинстве направлены на сырьевой сектор.

Правая ось координат – количество материнских компаний в экономике.
Левая ось координат – количество иностранных филиалов в экономике¹.

Рис. 2. Количество материнских компаний и филиалов иностранных компаний в Великобритании, Германии, Бразилии, Польши, России и Беларуси (2010)

Fig. 2. The number of mother companies and branches of foreign companies in Great Britain, Germany, Brasil, Poland, Russia, and Belarus (2010)

Как мы отметили, в глобализирующемся обществе национальные политические элиты отделяются от национальных систем и, следовательно, теряют эффективность. Трансформация государственных социалистических обществ повлекла за собой полную интеграцию новых государств-членов ЕС в сложившийся мировой порядок. В этих странах политическая власть больше не принадлежит национальному государству, последнее имеет очень малое политическое пространство для маневра. Но в странах полу-ядра (страны БРИК) экономическая и политическая

гегемония доминирующих международных политических и экономических элит осознается. Тем более, что мировой экономический кризис 2008 года и процесс региональной интеграции привели к возникновению региональных блоков. В случае России тенденции к глобализации были остановлены, и началось движение в сторону национального суверенитета и национального капитализма, озвученное президентом Путиным.

Сдвиг в сторону регионализма. Распад Советского Союза, изначально привел к фрагментации мировой политической си-

¹ Для более ранних данных см.: World Investment Report 2007 [6] и ЮНКТАД, Организации Объединенных Наций, Нью-Йорк, Женева 2007 [2, 217-218].

стемы и превращению США в центр однополярного мира. Дальнейшее развитие, однако, ознаменовалось подъемом региональных блоков и переходом к более многополярной системе. И если международная торговля без границ и де-территориализация политики являются особенностью глобализации, то региональные формы объединения стали основными компонентами новой международной политической и экономической организации. Например, по состоянию на 31 января 2014 года в мире действовали 377 региональных торговых соглашений, покрывающих более половины мировой торговли.

В результате регионы становятся преемниками национальных государств. Европейский Союз часто приводят в качестве образца для копирования. Чтобы быть успешным, регионам требуются не только иметь экономическую основу (например, сильный Европейский Союз), но и формы культурной идентификации (а это стало камнем преткновения в ЕС), а также механизмы политического и социального консенсуса (здесь у ЕС тоже немало проблем).

Что касается формирования Евразийского союза (Россия, Казахстан и Беларусь), то он будет сочетать культурные, политические и социальные компоненты. Так, с экономической точки зрения, в рамках союза существует большой внутренний рынок; все страны имеют низкий индекс транснациональности (низкая доля ТНК в добавленной стоимости). Кроме того, Россия имеет значительные валютные резервы. Политически все страны имеют общее – царское и советское – патерналистское наследие, предполагающее, что обеспечивать общественное благосостояние будут сильные лидеры. Кроме того, в этих странах провал неолиберальной политики ослабил идентификацию значимых частей элиты с неолиберальными экономическими взглядами и индивидуализмом. Идеологическая общность этих стран также присутствует: она связана с Россией, как общим цивилизационным пространством, с общим языком и общей историей. В культурном смысле православие обеспечивает единство религиозной истории для славянских народов, имеющих традиции сосуществования с другими религиями (например, исламом). Для всех

этих стран существенно понятие «другие», под которым понимается гегемония США и их западных (особенно англосаксонских) союзников.

Тем не менее, многие эксперты выражают сомнения. Нынешний диалог по проблемам союза показывает неоднозначность позиций по вопросам роли государства и рынка, по религиозным и светским нормам, а также наличие различий по вопросам о делении на союзников и «других». Некоторые эксперты отмечают, что многие из этих взглядов являются противоречивыми, выражая сомнения по поводу жизнеспособности предлагаемой модели Евразийского союза.

В отличие от авторов, которые считают евразийство враждебной идеологией, которая несет военную и политическую угрозу Западу, предлагаю рассмотреть позитивный аспект данного феномена в предполагаемых трех различных сценариях эволюции Евразийского Союза и, в частности, России.

Россия: три возможных сценария.

Первая группа экспертов считает, что Евразийский Союз скатится в экономический тупик. Большинство западных критиков разделяет именно эту точку зрения. Особенно это касается тех представителей Европейского Союза, кто утверждает, что доминирующая роль государств, в рамках экономического союза, приведет к изоляции, протекционизму и, следовательно, к экономическому спаду и политической слабости. Они утверждают, что это изолирует евразийские государства, являющиеся членами союза, от инноваций и прогресса. Аргументы здесь озвучены хорошо всем известной Маргарет Тэтчер во время правления Горбачева: «нет альтернативы неолиберальной модели». Но мы-то знаем, что альтернативы неолиберализму существуют, что и доказал нам подъем экономики Китая.

Другие эксперты, принадлежащие этой же школе, подчеркивают намерения российского руководства: евразийство является легитимацией оппозиции к Западу и его ценностям. Они утверждают, что это не только легитимует ложную экономическую альтернативу, но и может привести к увеличению российского государства и восстановлению бывшего Советского Союза. Это, на мой взгляд, является ошибочным пониманием позиции

своих политических сторонников в России, Казахстане и Беларуси, ибо эти утверждения не имеют основания в философии евразийства, хотя политические действия и должны быть интерпретированы в свете геополитических интересов и политики.

Модель Евросоюза. Вторая идея состоит в том, что предусмотренное региональное объединение будет выступать как «трамплин» для нынешней мировой системы, где доминируют страны «ядра». Аргументом здесь является то, что регионы являются как бы бесплатными приложениями к мировой системе. По Бьорну Хеттне, государства-гегемоны стремятся управлять миром вне ядра, и с этой целью они осуществляют «идеологическую гегемонию», используя преимущественно концепцию неолиберализма. Другие авторы, пишущие в этом же ключе, подчеркивают принятие регионализма в рамках американской модели «мягкой силы». Такие комментаторы выделяют регионы через их «ядро», как в Европе (ЕС), Северной Америке (НАФТА) и Восточной Азии - «Триада». Все эти регионы, по их мнению, движутся в направлении неолиберализма.

Вне «ядра» находятся промежуточные регионы, частью которых являются постсоветские государства. Государства в промежуточной зоне, связанные с основными регионами, постепенно включаются в ядро. Такие авторы отмечают, что ядро может использовать региональные соглашения по созданию или расширению свободной торговли и, следовательно, расширить неолиберальное влияние на других. Такие регионы могут стать «ступеньками», как, например, страны южной Европы и Восточно-Европейские новые государства-члены Европейского союза, присоединение которых несколько запутало неолиберальный мировой порядок. С другой стороны, неясно, должны ли регионы в промежуточной зоне провалиться, чтобы отвечать условиям для вступления в ядро, или же они «утонут в периферии».

Некоторые спонсоры Евразийского союза видят в институтах Европейского Союза модель для подражания. Смыслом этого положения является то, что если рынки преобладают в экономическом союзе, то они будут оказывать свое влияние и поведут Евразий-

ский Союз к желаемой неолиберальной мировой системе. При этом развитие альтернативной социальной системы не возникнет. Евразийский Союз станет еще одним экономическим регионом в неолиберальной мировой системе, ведомым мировыми рынками, но не государствами в региональных блоках. Культурные и социальные компоненты евразийства будут включены в экономический рынок. В рамках этого варианта евразийство не является угрозой для Запада; это, действительно, один из способов поддержать текущее состояние в переформулированном Содружестве Независимых Государств.

Еще одним преимуществом евразийского группировки, основанной на модели Европейского союза, является то, что неоднородности здесь гораздо меньше, чем в нынешнем составе ЕС. Россия, Беларусь и Казахстан имеют больше общего в культурном, политическом и социальном отношении, чем нынешние члены ЕС. Несмотря на то, что существуют группы с другими религиозными ценностями (например, мусульмане), все они имеют общий язык и были членами общего государства более века до распада СССР. Доминирующие ценности и нормы, а также учреждения имеют в этих странах одни и те же корни. Эти государства одобряют государственное благосостояние и коллективную, а не индивидуальную ответственность. В отличие от стран-членов ЕС, они никогда на своей памяти не вели войны друг с другом. Они не разделены некоторыми членами, имеющими двойные обязательства (как, например, трансатлантизм Великобритании).

Таким образом, можно понять, почему некоторые евразийцы рассматривают ЕС в качестве модели. Несмотря на свои текущие серьезные проблемы и некоторые неполадки, ЕС по-прежнему воспринимается многими в качестве примера позитивных экономических достижений, в том числе и для интеграции национальных государств.

Тем не менее, на наш взгляд, было бы ошибкой использовать эту модель для Евразийского союза. ЕС базируется на объединении своих членов на базе общности идеологических и политических основ, дополняемых политическими и экономическими институтами и общей внешней политикой.

К 2014 году существовало тридцать пять глав норм Сообщества (Acquis Communautaire), определяющих институциональные механизмы и приемлемые процедуры, а также более полный спектр деятельности. Первые десять глав включают: свободное перемещение товаров; свободное передвижение работников; создание и предоставление услуг; свободное движение капитала; государственные закупки; акционерное право; права интеллектуальной собственности; конкурентная политика; финансовые услуги; информация и СМИ; сельское хозяйство и развитие сельских районов.

Европейский Союз обязывает государства-члены ЕС быть приверженными общим политическим ценностям и институтам, основанным на избирательной конкурентной демократии. Национальные государства-члены ЕС передают ряд суверенных прав в пользу Союза.

ЕС также объединен идеологией неолиберализма: принцип свободного перемещения капитала, рабочей силы, товаров и услуг подорвал социальную и экономическую структуру стран-участниц. Это явно противоречит многим принципам евразийцев, в частности, президента России Путина. Особенно это касается вопроса суверенитета национальных государств, в рамках предлагаемого евразийского союза, сохранение которого просто невозможно в таком виде политического и экономического объединения, как Европейский Союз.

Евразия как региональный контрапункт. Существует также и третий вариант, состоящий из политического и экономического контрапункта. Евразийский Союз также может обеспечить государственное устройство на основе коллективистских, консервативных и религиозных ценностях с государственной экономической координацией и формой демократии, отличной от электоральной демократии (или вообще не основанной на западных концепциях плюралистической демократии). Такой союз мог бы вести обмен с доминирующей мировой системой, не будучи встроенным в неолиберальный порядок. Экономически это будет выглядеть как национальная форма капитализма. В этом смысле этот союз был бы кон-

курентоспособным образованием по отношению к неолиберальному капитализму.

На мой взгляд, альтернативная менее организованная структура больше подходит для Евразийского союза. В ее рамках каждое из трех государств могло бы сохранить суверенитет и индивидуальность.

Другие модели – это Европейское экономическое сообщество (которое предшествовало ЕС) или Британское Содружество (до того, как Великобритания вступила в ЕС). Оба эти образования включали таможенный союз, в рамках которого отдельные государства имеют свой политический суверенитет. Политические институты и идеология также могли бы согласовываться, хотя могло бы существовать и значительное расхождение мнений и интересов. У Членов Содружества также была бы сильная культурная идентификация и даже признание общих врагов и друзей. В этом случае политические элиты в постсоветских государствах формировались бы аналогичным образом. Евразийское сообщество получает, кроме того, возможность сохранять автономию в рамках региональных интеграций.

На мой взгляд, для страны, находящейся в полупериферии мировой системы, регионализм не влечет за собой принятия принципов неолиберальной глобализации. Более того, Китай, Россия, Индия, Бразилия и Венесуэла, а также другие составляющие региональных групп (Шанхайской организации сотрудничества, Евразийского экономического сообщества, МЕРКОСУР, и АСЕАН) могут укрепить свои позиции против гегемонии противоположных сил.

Связи с другими регионами и блоками. Серьезной проблемой остается вопрос о том, сможет ли Евразийский Союз из трех стран создать эффективную экономическую базу для интеграции.

Возьмем только один показатель – Форбс: Топ 2000 мировых корпораций [1]. В 2013 году в Беларуси не было ни одной компании; у Казахстана было две (одна газовая компания и один банк); у России 30 (10 в сфере минералов, 7 в нефтегазовой сфере и 3 банка), в то время как у Бразилии в списке 41 корпорация, у Индии – 66, а Китай опережал все эти страны со 136 корпорациями, занимая пер-

вую позицию в списке Форбс (2-ю – Индия и 8-ю – Бразилия). В отличие от Советского Союза, Евразийский Союз не обладает критической плотностью, чтобы сформировать «контрапункт» всему остальному миру.

Поэтому для того, чтобы сделать альтернативу экономическому региональному блоку жизнеспособной, особое значение имеет сотрудничество с Китаем и другими странами БРИКС. В 2011 году страны БРИКС создавали 23 процента мирового ВВП, измеренного по ППС. Эти страны вполне совместимы с ценностями Евразийского союза. Они образуют коалицию в защиту суверенитета государств. Россия, Индия и Китай вместе имеют значительный производственный, военный и интеллектуальный потенциал, а также огромные внутренние рынки.

В 2009 году Китай вытеснил США с позиции основной торговой нации в мире. Эти страны имеют и большой потенциал для НИОКР. Кроме того, укрепление региональных ассоциаций минимизировало бы зависимость от мировых финансовых кризисов. Они могли бы способствовать экономической интеграции и сохранению национального государства, не сталкиваясь с доминирующими членами нынешнего мирового экономического порядка.

Выводы. Динамика мировой системы, особенно рост полупериферийных стран и относительный упадок всё ещё доминирующих Соединенных Штатов Америки, ведет к развертыванию долгосрочного сценария, где мы наблюдаем развитие контрапунктов, в которых Евразийский Союз мог бы стать важной составной частью. Такой союз выступал бы против западной гегемонии, являясь культурным и экономическим образованием, что вовсе не ограничивает нас в анализе классовых противоречий. С последней точки

зрения это – консервативная капиталистическая альтернатива; форма организованного национального капитализма, не представляющая собой реальную опасность для Запада.

Таким образом, Евразийский Союз сам по себе не в состоянии организовать серьезный вызов гегемонистскому ядру. Чтобы выстроить значимую альтернативу нелиберальному глобальному порядку, необходимо объединение с другими регионами полупериферийных стран – в особенности с БРИКС или с членами Шанхайской Организации Сотрудничества. Такая экономическая альтернатива может обеспечить приоритет экономическому развитию, создать каналы для продвижения инвестиций и обеспечить занятость населения, используя административные методы координации коллективной экономической деятельности. Ее идеология могла бы благоприятствовать политике, требующей от компаний проявлять больше социальной ответственности – по отношению к работникам, потребителям, поставщикам и окружающей среде.

Евразийский Союз мог бы узаконить особые государственные системы и более коллективистские традиционные ценности, включая те, что были развиты в России, Казахстане и Беларуси в прошлом. Такое развитие могло бы обеспечить основу для более плюралистичного многополярного мира. Оно могло бы стать основой капиталистической альтернативы – разновидностью организованного национального капитализма. Внутри этих рамок могут возникнуть и иные политические конструкции. Это могло бы быть, например, возрождение социалистических ценностей в России и Китае, и такой сценарий может вести к формированию социалистического контрапункта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Форбс Топ 2000 мировых корпораций. URL: <http://www.forbes.ru/stil-zhizni-slideshow/81417-kompanii/slide/1> (дата обращения: 15.09.2014)
2. ЮНКТАД, Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк, Женева 2007. С. 217-218.
3. ЮНКТАД, Доклад о мировых инвестициях (ДМИ). 2007.
4. ЮНКТАД, Доклад о мировых инвестициях. 2010. URL: <http://unctad.org.wir>.
5. ЮНКТАД, Доклад о мировых инвестициях. 2014.
6. World Investment Report. 2007. URL: http://unctad.org/en/docs/wir2007_en.pdf (дата обращения: 15.09.2014)

REFERENCES:

1. Forbes Top global 2000 corporations. URL: <http://www.forbes.ru/stil-zhizni-slideshow/81417-kompanii/slide/1> (date of access: September 15, 2014).
2. UNCTAD, United Nations. New York, Geneva 2007. P. 217-218.
3. UNCTAD, World Investment Report. 2007.
4. UNCTAD, World Investment Report. 2010. URL: <http://unctad.org.wir>.
5. UNCTAD, World Investment Report. 2014.
6. World Investment Report. 2007. URL: http://unctad.org/en/docs/wir2007_en.pdf (date of access: September 15, 2014).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лейн Дэвид,
профессор, академик Академии
социальных наук Великобритании
Эммануэль Колледж,
Кембриджский университет,
Кембридж, CB23AP, Великобритания
E-mail: DSL10@cam.ac.uk

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lane David,
Professor, Academician of the Academy
of Social Sciences of United Kingdom
Emmanuel College,
Cambridge University,
Cambridge, CB23AP, United Kingdom
E-mail: DSL10@cam.ac.uk